

Глава 11

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА 1773–1775 гг.

§ 1. Предвестники восстания

Фактический материал предыдущих глав курса с очевидностью раскрывает трагизм самого развития нашей страны, находящейся в глубинах территории Восточной Европы с весьма неблагоприятными природно-климатическими условиями, препятствующими сравнительно гармоничному развитию социума. Прежде всего этот трагизм был присущ механизмам своеобразной компенсации отсутствующих условий. Эти механизмы были внутренне противоречивы. С одной стороны, неистребимая архаичная крестьянская община как существеннейшая опора не вполне прочному крестьянскому хозяйству. С другой стороны, это жесточайшая система крепостного права, уже накопившая в себе крайне негативные свойства. Однако в эпоху Екатерины II она еще далеко не исчерпала свои объективные макросвойства. Ведь именно они позволили оптимизировать аграрную экономику, усилить военную мощь государства и обеспечить пространство для поступательного развития экономики и самого общества. Вместе с тем цена такого развития была очень высока. Для социальных низов общества это развитие оборачивалось своей самой неприглядной и жестокой стороной, несущей народу кнут и плеть, тюрьму и ссылку, постоянно вызывающей вспышки социального гнева и ненависти, выливавшиеся в бунты и восстания народных масс. Последним таким крупнейшим восстанием была крестьянская война 1773—1775 гг.

Политика "просвещенного абсолютизма" не была способна ликвидировать противоречия, раздиравшие тогдашнее общество. Действуя в "духе времени", создавая новые формы влияния на общество, она в низах общества оставляла все почти без изменений. Удерживая крестьян Черноземья на земле при растущих, но непременно необходимых барщинных повинностях, эта политика тем не менее делала положение крестьян постоянно критическим. Политика "просвещенного абсолютизма" не способствовала улучшению положения многочисленных государственных крестьян, все новые и новые массы которых принудительно привлекались к работе на казенных заводах и фабриках.

В конце 60-х — начале 70-х гг. XVIII в. развернулось крупное движение приписных крестьян Олонецкого края. Весной 1771 г. волнения стали перерастать в вооруженное восстание. К лету число сопротивлявшихся достигало всего лишь 7 тыс. В июне около 2 тыс. крестьян, собравшихся на Кижском погосте, были обращены в бегство карателями. Вожакам восстания Клименту Соболеву, Андрею Сальникову и Семену Костину вырвали ноздри и по наказанию кнутом сослали на каторгу в Нерчинск.

Однако волнения, подавленные в одном месте, с неумолимой закономерностью возникали в другом. В том же 1771 г. в таком огромном городе, каким была Москва, с ее скученными строениями и антисанитарными условиями, вспыхнула чудовищная эпидемия чумы, пришедшая с юга из районов Украины. Болезнь косила десятки тысяч людей, смерть заставляла их по всюду на улице и дома, на мануфактурах и торговых площадях. Обезумевшие от горя и страха горожане толпами устремились к знаменитой "чудотворной" иконе Богородицы, что у Варварских ворот. Боясь усиления эпидемии архиепископ Амвросий велел убрать икону. Доведенный до отчаяния "черный люд" поднял восстание. Раздался набат, толпы людей разгромили солдат у Варварских ворот и кинулись по Москве в поисках злосчастного Амвросия. Беспорядки стремительно перерастали в антифеодальное движение. Три дня в Москве шли бои, пока прибывшие в Москву гвардейцы во главе с екатерининским фаворитом Григорием Орловым не подавили восстание.

Но и теперь в России не наступил покой. На далеком русском Яике заволновались казаки. Еще недавно вольное, самоуправляемое казачье войско Яика с приближением укрепленных пограничных линий Российского государства, с появлением Оренбурга как центра края и оренбургского губернатора с его огромной властью стало постепенно лишаться былых привилегий. Казаки перестали выбирать своих атаманов, на них было взвалено тяжелое бремя службы в войсках империи, и старинные казацкие промыслы (добыча соли, рыболовство) стали также подвергаться ограничениям. Это дополнялось резким возрастанием розни между богатой казацкой "старшиной" и остальным "войском". В 1771 г. вспыхнул острый конфликт в связи с набором казаков в Московский легион для войны с Турцией. В Яик были введены правительственные войска, началось следствие и репрессии. Последний орган самоуправления — казачий круг был ликвидирован вместе с канцелярией, виновным вырезали ноздри, были кнутом, сослали в Сибирь. На все войско был наложен тяжелейший денежный штраф.

Подавленный Яик затаился, но огонь восстания не погас; загнанный вглубь, он в любую минуту мог вспыхнуть с новой силой.

Важнейшим элементом ситуации накануне восстания была вновь охватившая Россию эпидемия самозванчества. В 1765 г. однодворец Гаврила Кремнев объявляет себя Петром III. Он ездит по селам Воронежской губернии и при торжественном богослужении приводит к присяге народ, обещая освобождения от рекрутчины, от подушной подати и т.п. Схваченный властями, он был жестоко бит по всем тем селам, где ему присягали, клеймен и отправлен на вечную каторгу в Нерчинск.

Но на сцене появляется другой самозванец. Им оказался армянин Асланбеков, объявивший себя Петром III. И он был бит плетьюми и сослан в Нерчинск. Но Россия снова

словно с неумолимой настойчивостью выдвигает нового самозванца. Это был беглый солдат Лев Евдокимов, назвавшийся Петром II. Почти одновременно в Слободской Украине беглый солдат брянского полка Петр Федорович Чернышев (из однодворцев) также объявил себя Петром III, и вновь осмелившийся присвоить имя царя был бит плетью и сослан на каторгу в Нерчинск. В Исетской провинции казак Каменьщиков распространял слухи о том, что Петр III жив и заточен в Троицкой крепости. Беглый солдат Мамыкин был пойман под Астраханью и наказан за распространение слухов о Петре III.

Наконец, за год до появления Пугачева на Дону объявился беглый крестьянин Федот Богомолов, выдавший себя за Петра Федоровича. Его уже признали казаки Дубовки, центра Волжского казачьего войска, но дело кончилось внезапным арестом. Ф.Богомолов умер во время следствия, но в районе его действий и в Заволжье все время ходили о нем различного рода толки и слухи. Этим впоследствии и воспользовался Е.И.Пугачев.

§ 2. Начало восстания и осада Оренбурга

Скитания Пугачева и акт самозванчества. Емельян Иванович Пугачев был родом донской казак из станицы Зимовейской (той самой, которая на век раньше дала России Степана Разина). До 17-ти лет Пугачев жил в доме отца, занимался земледелием, потом был зачислен в казацкую службу. Судьба кидает его на войну с Пруссией, где Пугачев сражается в течение трех лет, а с объявлением русско-турецкой войны снова садится в седло. Вскоре за храбрость он получает чин хорунжего. После тяжелой болезни он на короткое время приходит домой. Далее — попытка уйти в отставку. Попав в Таганрог, Пугачев задумал бежать в "вольные земли". Вскоре он способствует попытке нескольких казаков уйти на Терек. За это ему грозит арест. В 1770 г. Пугачев сам попадает на Терек и выступает там ходатаем за казаков. В Моздоке его схватили, но ловкий казак снова бежит. С тех пор аресты чередуются с побегам. Пугачев становится известным всей округе бунтарем, его постоянно ищут. В бегах Емельян Иванович побывал на Украине, в Белоруссии. Прибыв 22 ноября 1772 г. в Яицкий городок, Пугачев лично убедился, в какой напряженной и тревожной обстановке находилось казачество в ожидании репрессий за убийство Траубенберга. По городку ползли слухи о государе Петре Федоровиче (объявившемся самозванце Федоте Богомоллове). Постепенно созрел план действий. Е.И.Пугачев решает выдать себя за императора Петра Федоровича. Тем временем Пугачев был арестован и приведен в Казань. 29 мая 1773 г. колодники Пугачев и Дружинин, напоив одного из охранников, с другим бежали в кибитке. Пока вели розыск, Е.И.Пугачев был уже вновь на постоялом дворе Ереминой курицы. Но теперь это был уже "государь Петр Федорович".

Разумеется, первых яицких казаков, примкнувших к Е.И.Пугачеву, "государь Петр Федорович" не обманывал: Д.Караваяев, М.Шигаев, И.Н.Зарубин-Чика, И.Ульянов, Д.Лысов и др. узнали, что перед ними простой донской казак, бежавший из казанской тюрьмы. Но казакам это было безразлично, главное заключалось в том, что Пугачев становился ярким знаменем в их борьбе за волю: "лишь бы быть в добре... войсковому народу". Однако для широких кругов казачества, присоединившегося позже, он был и оставался "российским императором" Петром III. Впоследствии у него были и торжественные выходы, ему целовали ручку, сажали на "трон" и т.д. и т.п.

Поначалу Е.Пугачев направился на хутор Толкачевых — там былолюдно и можно былоувеличить отряд. В дороге обнаружилась необходимость иметь хоть какую-то программу действий, причем закрепленную в документе. Е.Пугачев обратился к одному из верных своих людей: "Ну-ка, Почиталин, напиши хорошенько!" И Почиталин тут же написал. Прочли вслух — "пондравилось больно". Так родился первый манифест крестьянской войны. В нем казак И.Почиталин писал о думах казацких, о думах и чаяниях местных народов (татар и калмыков). В манифесте Петр Федорович жаловал их "рякою с вершины и до устья, и землею, и травами, и денежным жалованием, и свинцом, и порохам, и хлебным правиянтом". На хутор отряд прибыл в ночь на 16 сентября, а утром 17 сентября после публичного чтения манифеста перед собравшимися шестью десятками казаков, калмыков и татар отряд двинулся на Яицкий городок.

Наивные обездоленные в войске самозванца. Осада Оренбурга. Отряд Е.И.Пугачева рос с быстротой снежного кома. Под знамена восставших стекались все обездоленные: русские и калмыки, татары и казахи, башкиры и марийцы. Когда Е.Пугачев подошел к Яицкому городку, посланный против него отряд в 200 казаков сразу же перешел на сторону восставших. Днем и ночью из крепости перебежали в стан Пугачева.

Взять с ходу Яицкую крепость не удалось. Пугачевцы пошли вверх по реке. Скоро в их руках были Илецкий городок, Рассыпная, Нижне-Озерная, Татищева крепость, Кирсановский и Гниловский форпосты, Сакмарский городок и др. Гарнизоны, как правило, переходили без боя к восставшим. Взяв Чернореченскую крепость, войско Пугачева, насчитывающее уже 2,5 тыс. чел., подошло к Оренбургу. Штурм Оренбурга был неудачным и войско перешло к осаде крепости. Главным лагерем Пугачева стала слобода Берда. Ряды восставших росли и множились. Пришли башкиры во главе с Кинзей Арслановым, марийцы во главе с Мендеем, калмыки под командой Федора Дербетева. В ноябре под знамена восставших стала башкирская конница Салавата Юлаева. В отряды Пугачева влилось множество татар. Сам Пугачев был торжественно встречен в татарской Сеитовской слобо-

де (Каргалы) под Оренбургом. На площади был разостлан ковер, на него водрузили импровизированный трон. Двое татар вели Пугачева к трону под руки, а остальные пали ниц.

Тем временем осада продолжалась. На помощь генералу Рейнсдорпу, оренбургскому губернатору, Петербург послал генерал-майора В.А.Кара, но на подходах к Оренбургу Кар был разбит отрядами А.Овчинникова и И.Зарубина-Чижи.

В середине ноября под самым Оренбургом Пугачев разбил царские войска полковника Чернышева. Причем почти все солдаты разбитого полковника перешли на сторону восставших.

В период многомесячной осады Оренбурга руководители восстания провели организацию пугачевского войска. Основным подразделением в армии были теперь полки, во главе которых стояли полковники. Полки в свою очередь делились по-казацки на сотни и десятки; формировались они преимущественно по национальному признаку или по сходству социальной среды. При особе "государя-императора" стал формироваться своеобразный государственный аппарат. Речь идет об образовании в ноябре 1773 г. Государственной военной коллегии.

Функции Военной коллегии были неизмеримо шире, чем у той, что была в Петербурге. Коллегия стала и главным штабом, и главным интендантством, и высшей гражданской властью, и высшим судом. В числе обширного круга ее дел были боевые приказы, связь между отрядами, вопросы снабжения армии продовольствием и боеприпасами, организация литья пушек и изготовления пороха, вопросы казацкого самоуправления, назначения и перемещения командиров. Коллегии принадлежало право награды отличившихся, присвоение воинских званий. Она вела огромную агитационную работу, рассылая указы и манифесты во многие концы Заволжья, Урала, Казахстана и Западной Сибири. Вместе с тем Военная коллегия имела административную власть над освобожденной восставшими территорией, творила суд и расправу, ведала распределением имущества, конфискованного у дворян и чиновников. Одним словом, роль коллегии была огромна, она придавала всем действиям восставших государственный характер. Указы и манифесты пугачевцев имели и подписи, и специальные печати из меди или серебра.

Осада Оренбурга продолжалась: все туже, все крепче стягивалось кольцо вокруг крепости. Разбитый генерал В.А.Кар бежал в Казань, затем быстро появился в Москве. Российское дворянство было в панике. Тревога докатилась и до Петербурга. Екатерина II была вынуждена убедиться, что это не столь уж "глупая казацкая история", а грозная все возрастающая сила.

Крестьянская война. Между тем восстание постепенно перерастало в крестьянскую войну, захватывая все новые и новые территории. Эмиссары Пугачева, его ближай-

шие сподвижники были посланы в разные края для организации новых полков и расширения сферы действий. В декабре 1773 г. И.Зарубин-Чика направился на уральские заводы для организации литья пушек, а потом двинулся на штурм г. Уфы. Придя под Уфу с 4 тыс. человек, уже через 10 дней он имел в своих отрядах свыше 10 тыс. воинов. Все штурмы были отбиты, 12-тысячная армия Зарубина не сумела взять Уфу с ее гораздо менее многочисленным гарнизоном. Разгадка этой неудачи проста — у восставших не было современного оружия. Подавляющее большинство имело лишь луки и стрелы, но против пушек и ружей это было слишком слабым средством. Уфа подвергалась, как и Оренбург, осаде вплоть до марта 1774 г.

Положение в стране стало еще более тревожным — против властей поднялся работный Урал. Посланный Зарубиным-Чикой казак Иван Кузнецов поднял на восстание работных людей Катав-Ивановского, Саткинского и других заводов. Еще раньше к восставшим присоединился Воскресенский завод.

На Среднем Урале в октябре-ноябре 1773 г. образовался самостоятельный обширный район восстания, включавший Пермский край и Кунгур. Руководителем всех войск здесь был опытный артиллерист И. Н. Белобородов.

На сторону восставших работных людей и приписных крестьян часто переходили всем "миром", т.е. целыми общинами. К февралю 1774 г. знамя восстания было поднято в 92 заводах Урала, т.е. $\frac{3}{4}$ горнозаводского центра страны перешли на сторону Пугачева. Белобородов стал угрожать Екатеринбургу.

В Поволжье, в Ставропольско-Самарском краю еще к декабрю 1773 г. действовало более 10 крупных отрядов (Дербетова, Арапова, Давыдова). В руках повстанцев были Бузулук, Самара и ряд крепостей.

Территория крестьянской войны раскинулась от Самары на западе до Тобола на востоке и от Гурьева на юге до Кунгура и Екатеринбурга на севере страны.

Правительство теперь уже понимало всю глубину опасности этого восстания. Царица назначила за голову Е.Пугачева 10 тыс. руб. награды, хотя А.И.Бибиков писал: «Не Пугачев важен, важно всеобщее негодование» (разрядка моя — Л.М.).

Предпринимались и срочные военные меры, в районы восстания было послано множество отрядов правительственных войск. Императрица из чувства солидарности с оказавшимся в опасности поволжским дворянством объявила себя "почетной казанской помещицей". Главнокомандующим войск, действовавших против пугачевцев, она назначила энергичного и опытного карателя, генерала А.И.Бибикова.

В марте 1774 года восставшие потерпели ряд крупных поражений (Пугачев под Таищевской крепостью, Зарубин-Чика под Уфой). В конце февраля — начале марта прави-

тельственные войска сожгли основную базу Белобородова на Среднем Урале — Шайтанский завод, и в конце марта восстание в этом районе оказалось в основном подавленным. После тяжелого поражения под Татищевой крепостью, потеряв множество людей, Пугачев был вынужден прекратить почти полугодовую осаду Оренбурга. В начале апреля 1774 г. с небольшим отрядом в 500 казаков предводитель восстания уходит на Урал.

§ 3. Второй этап восстания

Не было больше Хлопуши (Афанасия Соколова), Подурова, Почиталина, Толкачевых, Витошнова, Зарубина-Чики, но продолжали сражаться И.Н.Белобородов, Кинзя Арсланов, Салават Юлаев.

Людские потери быстро восполнялись притоком новых сотен и тысяч угнетенных. "Народу у меня как песку, — подбадривал своих близких Пугачев, — и я знаю, что чернь меня с радостью примет".

Шествие Пугачева по заводам Урала было победным, но по пятам, не давая закрепиться на месте, шли правительственные войска. Пугачев вынужден был оставлять за собой сожженные крепости, разрушенные мосты, запруды и т.п. Храбрый Е.И.Пугачев дрался в первых рядах. Восстание вновь стало нарастать. Центром его стал теперь Южный Урал и Башкирия.

После взятия крепости Магнитной произошло объединение армий Пугачева. Сюда пришел Белобородов, пришли казаки А.Овчинникова и А.Перфильева. Армия Пугачева снова насчитывала теперь свыше 10 тыс. человек, но это было крайне плохо вооруженное (дубьем, дрекольями, пиками да кистенями) и плохо обученное войско. Наиболее организованным был лишь полк работных людей Белобородова, который при встрече пугачевцы даже приняли за правительственные войска. В мае 1774 г. под Троицкой крепостью состоялось ожесточенное сражение с войсками генерала Деколонга. Восставшие потерпели крупное (уже четвертое) поражение: 4 тыс. убитых и пленных, потеря огромного обоза и всей артиллерии. Это было 21 мая 1774 г., но уже ровно через месяц у Пугачева снова было войско в 8 тыс. чел. Такая поразительная живучесть могла быть свойственна только крестьянскому войску.

В июне 1774 г. после соединения с 3-х тысячной конницей Салавата Юлаева было принято решение двинуться на запад, в крестьянские районы Поволжья. В связи с этим в рядах восставших резко возрастает и удельный вес крестьянства. Армия Пугачева, насчитывающая около 20 тыс. чел., взяла направление на Казань.

Под Казанью разыгралось одно из самых крупных сражений крестьянской войны. Пугачев нанес удар с четырех сторон. 12 июля 1774 г. его армия ворвалась в Казань. Прав-

да, Казанский кремль продолжал обороняться. Пугачев уже было начал штурм Кремля, но по его пятам следовало крупное соединение правительственных войск под командой И.И.Михельсона, до сих пор искавшего Пугачева под Уфой.

Повстанцы вынуждены были дать бой Михельсону. Проиграв его и уже отступив, Пугачев сделал отчаянную попытку 15 июля снова овладеть Казанью. Но что можно сделать, имея, хотя и 20-тысячное, но почти безоружное войско? Крестьянская армия была разбита: Пугачев только убитыми потерял свыше тысячи человек; остальные же были либо взяты в плен, либо рассеяны. В плен попал И.Н.Белобородов. С небольшим отрядом казаков (около 400 чел.) Пугачев переправился на правобережье Волги.

§ 4. Третий этап восстания

Начался третий, последний этап крестьянской войны. Приход Пугачева в Поволжье послужил сигналом к огромной вспышке крестьянского движения. Масштабы его далеко превосходили все, что было до сих пор за 8 месяцев войны. При первых слухах о приближении армии Пугачева, при появлении его знаменитых манифестов, обращенных теперь главным образом к крепостному крестьянству, крестьяне убивали помещиков и их приказчиков, вешали управителей казенных волостей, чиновников уездной администрации, жгли дворянские усадьбы. Только по данным официальной статистики крестьяне расправились с 3 тыс. представителей господствующего класса, большую часть которых составляли дворяне, казненные грозным летом 1774 г.

При приближении армии повстанцев часть крестьян, как правило, стриглась по-казачьи, формировала отряды и уходила к Пугачеву. Во многих уездах образовывались самостоятельные отряды со своими "атаманами". Восстал г. Инсар и его уезд, Краснослободск и его уезд, города Троицк, Наровчат, Нижний Ломов, Темников, Тамбовский, Новохоперский и Борисоглебский уезды Воронежской губернии и др.

На пути движения армии Пугачева, на правобережье Волги почти нигде не оказано было какого-либо сопротивления. Идя на запад от Казани, Пугачев только под Курмышом имел сильный бой. Двигаясь к Нижнему Новгороду, он посеял страх и среди дворян в самой сердцевине Российского государства. Ожидался поход на Москву. Но, видимо, Пугачев понимал, что численность его огромного войска не заменит военную выучку, а, главное — оружие, которого у крестьян не было. Ведь именно крестьяне с ножами, рогатинами и дрекольем составляли теперь подавляющее большинство его войска. Повернув на юг от р. Суры, Пугачев решил идти на Дон, к казакам. Поволжские города сдавались без боя: 23 июля — Алатырь, 27 июля — Саранск, 1 августа — Пенза, 5 августа — Петровск, 6 августа — Саратов, 11 августа — Дмитриевск (Камышин). Движение Пугачева было поистине

стремительным. Останавливаясь в городах и селах, он раздавал соль и деньги, освобождал заключенных из тюрем, раздавал конфискованное имущество господ дворян, устраивал суд и безжалостную расправу, сидя на импровизированном троне под охраной вооруженных "гвардионов", забирал пушки, порох, включал добровольцев в "казаки" и уходил, оставляя горящие дворянские усадьбы. Движение Пугачева по земле, наполненной толпами крестьян, встречавших его с восторгом, было поистине трагичным. Он спешил, он даже не брал с собой всех добровольцев (только конных!).

А по пятам Пугачева шел И.И.Михельсон с отборным, хорошо вооруженным войском, пытаясь все время догнать его. 21 августа Пугачев подошел к Царицыну, но не взял его. 24 августа у Черного Яра Пугачева настигла армия И.И.Михельсона. Последнее в истории крестьянской войны крупное сражение восставшие проиграли, несмотря на то, что сражались они доблестно. Лишь только убитыми Пугачев потерял 2 тыс. человек, 6 тысяч было взято в плен. Войска больше не было. С отрядом в две сотни казаков Е.И.Пугачев ушел в Заволжские степи.

Между тем среди казаков зрел заговор, в центре которого были Творогов, Чумаков, Железнов, Федульев и Бурнов. На двенадцатый день пути, улучив момент, когда Пугачев поехал из лагеря на бахчу за дынями, за ним увязались заговорщики. Чумаков заговорил: «Что ваше величество? Куда ты думаешь теперь идти?» Пугачев начал было отвечать, но раздался крик: «Иван, что задумал, то затевай!» и Пугачева схватили за руки. Вырвавшись, он вскочил в седло и понесся к камышам, но его поймали и связали. 15 сентября Пугачева доставили в Яицкий городок, а оттуда в специальной железной клетке в Москву.

В канун нового 1775 г., 31 декабря начался суд, а 9 января Пугачева приговорили к четвертованию, тело его должны были сжечь по частям в разных концах Москвы. 10 января в Москве на Болотной площади состоялась казнь. Пугачев вел себя спокойно и мужественно. Взойдя на эшафот он поклонился во все стороны: «Прости, народ православный!» Палач отрубил ему голову (не желая создавать Пугачеву ореол мученика, Екатерина II отменила четвертование).

Вместе с Пугачевым казнили его соратников: Перфильева, Шигаева, Подурова и Торнова. Еще раньше, 30 июня 1774 г. в Оренбурге был казнен Хлопуша (Соколов), 5 сентября в Москве — И.Н.Белобородов, 10 февраля в Уфе — И.Н.Зарубин-Чика. Юный поэт и полководец Салават Юлаев был бит кнутами по многим башкирским селениям, ему вырвали ноздри и сослали на каторжные работы. Тысячи участников было подвергнуты казням и репрессиям. По Волге вереницами плыли виселицы на плотках.

Но долго еще не затихали отголоски восстания. В 1775 г. по всей стране, а особенно на Верхнем Дону и в Поволжье, действовало множество отрядов.

§ 5. Идеология восставших. Неизбежность крушения замыслов Е.Пугачева

О чем же мечтали казачество, работный люд, крестьяне России, поднявшись на отчаянную, но полную драматизма войну? Какова была их идеология и программа?

История оставила нам манифесты и указы Пугачева и его Военной коллегии. Эти крупницы прошлого помогают нам составить представления о замыслах руководителей крестьянской войны. В начальный период войны цели восставших не шли далее предоставления яицкому казачеству свободы их хозяйственной и промысловой деятельности, т.е. в сущности возвращения им былых привилегий. На основе казацких льгот (довольствие в свинце, порохе, провианте, жалованье, обещания одеть с головы до ног и т.п.) строились и манифесты, обращенные к башкирам и калмыкам, татарам и казахам и другим народам. Ничего более четкого, чем туманный образ дикой первобытной свободы ("и бутте подобными степными зверями"), идеологи движения дать не могли. Однако с расширением масштаба крестьянской войны, с вовлечением в нее работных людей, приписных, а главное, помещичьих крестьян характер требований восставших существенно меняется. Он постепенно приобретает антикрепостническую, антидворянскую направленность. Если раньше манифесты обещали волю вообще, землю вообще, то теперь они четко указывают на корень зла — на помещиков.

Но все это была программа отрицания старого общества, программа, подымавшаяся до отрицания целого класса эксплуататора, но все же программа отрицания. Программы нового будущего общества идеологи крестьянской войны не дали и дать не могли. Крестьянское общество неминуемо должно было придти к тому же самому феодальному строю, породить новых господ и новых эксплуататоров.